

О КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ОБРАЗА СОВЕТНИКА В ЭПИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (Т. Мэлори, «Смерть Артура» и Ло Гуаньчжун, «Троецарствие»)

НАТАЛИЯ ГОНЧАР-ХАНДЖЯН

В современном мире мы имеем дело с институтом советника, вписанным в систему государственного устройства. Уровень иерархической и функциональной структурированности этого государственного института, ранжированности, детализации по компетенциям обуславливается развитостью государства, его целеполаганием и масштабностью во внутренней и внешней политике. В свете действующих в мире уже в наше время процессов, тенденций и функционирующих в них институтов актуализируется обращение к историческим и литературным памятникам прошлого, отражающим факты и фигуры, сюжеты, контент и концепты, корреспондирующие как некая глубинная корневая основа с контентом и концептами сегодняшней жизни. С этой точки зрения могут представить определенный интерес сопоставительно изложенные автором статьи наблюдения относительно роли и специфических черт фигуры советника в двух рассмотренных выдающихся памятниках средневековой литературы – английской и китайской. При наблюдениях по этим памятникам следует учитывать и учитывается их разножанровость, принадлежность к разным литературным традициям: европейский рыцарский роман («Смерть Артура»), китайский исторический роман («Троецарствие»), что сказывается и различным соотношением в них исторически-реального и вымыслено-фантастического.

Ключевые слова: *государство, политика, советник, памятник средневековой литературы, «Смерть Артура», «Троецарствие», концепция, цель, средства*

Научная мысль и деятельность, в частности в различных областях гуманитарного – человековедческого и обществоведческого – знания (при междисциплинарном их сотрудничестве), придерживалась в своем развитии и продолжает придерживаться как одного из важнейших принципа историзма, выявления и осмысления исторического опыта, корреспондирующего с явлениями, тенденциями, процессами, имеющими место в новый, данный исторический период, проливающего свет на бытующее в современности.

Вписанный в современном мире в систему государственного устройства, в развитых государствах функционально структурированный, ранжированный, детализированный по компетенциям институт советника имеет свою историю (и предысторию), свой набор архетипов различной природы и давности.

С началом возникновения цивилизации и становления государственных институтов представление об идеальном управлении государством и состоянии власти опирается на прочный тандем государя и жреца. При

четком разграничении ролевых функций жрец (трансцендентное начало, дополняющее и уравнивающее законодательное начало) как носитель сакрального знания выступает в роли мага и волшебника, провидца и предрекаателя, произносимое им слово воспринимается как оракул, его духовная власть непоколебима. С наступлением процесса глобализации, сопряженного с нескончаемыми войнами и завоевательными походами, первоначально самостоятельная функция жреца как носителя божественной воли трансформируется во вспомогательную роль советника государя, принявшего на себя функцию божественного означаемого: напр., китайский император как сын Неба, царь (король) как наместник Бога на земле. Критерием «благоразумия государя», статусно являющегося единственным связывающим звеном трансцендентного и земного, выступает выбор советника: «Умы бывают трех родов: один все постигает сам; другой может понять то, что постиг первый; третий – сам ничего не постигает и постигнутого другим понять не может. Первый ум – выдающийся, второй – значительный, третий – негодный<...> когда человек способен распознать добро и зло в делах и в речах людей, то, не будучи сам особо изобретательным, он сумеет отличить дурное от доброго в советах своих помощников»¹. В таком случае при явной – доминантной – оппозиции верх (правитель) / низ (помощник-советник), в скрытой оппозиции имеем верх (помощник-советник) / низ (правитель). Социально визуализируемая «Персона» (правитель) функционирует, следуя решениям, которые принимает остающийся в «тени» помощник, тот, кого Юнг определяет как архетипический образ «Мудрого Старца», чья тенденция — «будить мышление»². Выбирая подходящий объект, способный стать воплощением его идей, Старец с помощью продуманных и точных ходов показывает ее герою <...> предупреждает об опасностях и снабжает средствами, необходимыми для того, чтобы встретить их во всеоружии» (К.Г.Юнг). Знание, размышления, проницательность – определяющие для контаминирующего с типом юнгианского «Старца» образа советника, который, в то же время, великолепный PR стратег. В теории Юнга старик (он же мудрец) является волшебником и «имеет двойную натуру эльфа». В качестве иллюстрации приводится «крайне поучительная» фигура Мерлина (артуровский цикл), который «в одних своих проявлениях выступает воплощением доброго, в других — злого» (К.Г.Юнг).

Мерлин, широко известный (начиная с XI-XII вв.) по многочисленным средневековым европейским нарративам, представлявшим его как мага, колдуна, прорицателя, предстает в романе Томаса Мэлори (созданном в XV веке, в Англии эпохи упадка феодализма) в образе не столь фантастическом, сколько рационалистически переосмысленном³. Он предстает здесь как многознающий и многоопытный, дальновидный (“провидящий”) и, можно сказать, всекомпетентный (т.е. многофункциональный) советник

¹ **Николо Макиавелли.** Государь. М., Художественная литература, 1982, с.369.

² **К.Г.Юнг.** Душа и миф. Шесть архетипов. <https://cpp-r.ru>2015/08>. Далее, по указанному источнику, в тексте: (К.Г.Юнг).

³ См.п.4 в Примечаниях **И.М.Бернштейн:** **Томас Мэлори.** Смерть Артура. М., Наука (Лит. памятники), 1974, с.835. Далее ссылки на указ. издание в тексте в скобках.

короля. Он приходит в роман со своей стратегической целью, реализации которой служат применяемые им тактические средства, в частности и магические, колдовские.

В своей статье «Артуровский цикл и развитие феодального общества» английский литературовед У.Мортон, обращаясь к роману-эпосе Томаса Мэлори как к итоговому произведению в долгой истории складывавшегося в Европе «артуровского цикла», прослеживает «противоречивую» соотношенность, взаимосвязанность в романе наследуемых от «артуровского цикла» идей рыцарства, «духа старинных времен» и уже идущего им на смену в эпоху самого Мэлори «присущего XV столетию нового духа практицизма»⁴. И как ни парадоксально, именно в этом «новом духе практицизма» (причем, на наш взгляд, наиболее явно) концептуализируется у Мэлори наиболее фантастически-легендарный образ Мерлина, порожденный в «старинные времена» и – в силу происходящего во времена новые – трансформирующийся здесь из не чуждого «дьявольщине» колдуна-прорицателя в предвидящего и проецирующего события советника короля, направляющего и организующего действия и самого короля, и его подданных – баронов, рыцарей, епископа Кентерберийского и прочих, в определенной степени используя при этом и свой колдовской инструментарий. Артур появляется на свет и становится королем по «сценарию» Мерлина, будучи королем – действует и другим рекомендует действовать по его «советам», «указам», «наущениям»⁵. И как не заметить, что в мерлиновом «сценарии», – как он разыгрывается в романе Мэлори, – уже проступают идеи, концепция, которые вскоре (в начале XVI века) развернет в своих политических трактатах итальянец Николо Макиавелли («Государь», 1513, и др.)

В поведении Мерлина присутствует значительная доля «макиавеллизма»: этические нормы приносятся в жертву общегосударственным ин-

⁴ См. в частности раздел 4 этой статьи в «Приложениях» указанного издания, с. 784-792.

⁵ Текст романа изобилует примерами тому, приведем лишь несколько: «И пришел к Артуру Мерлин и дал ему совет...» (23); «Сюда, по совету Мерлина, созвал король своих баронов...» > Стал король спрашивать у баронов совета. Никакого совета они ему не дали, сказали лишь, что сил у них (для предстоящей войны – Н.Г.-Х.) довольно. – Хорошо сказано, – молвил Артур. – Я благодарю вас за храбрость. Но, может быть, вы все, кто любите меня, спросите совета у Мерлина? Ведь вам ведомо, как много он для меня сделал и как много всего знает. Когда увидите его перед собою, то поклонитесь ему челом и попросите, чтобы дал наилучший совет» (23); «Всего собралось пятнадцать тысяч, верхами и пешими, и было у них, заботами Мерлина, припасов вдоволь» (26); «А там по Мерлинову указу еще раньше так было заведено...» (27); «И говорит Мерлин трем королям (Артур и два его союзника – Н.Г.-Х.): - Теперь делайте так, как я вам скажу. <...> И сказали трое королей и все бароны, что это Мерлин задумал отлично, и как он говорил, так и было сделано» (28,29); «А Мерлин меж тем явился к королю Лоту... и задержал его своими притчами-предсказаниями, покуда Неро и его люди не были разбиты. <...> - Увы,- вскричал король Лот, - позор мне; ибо по моей вине погибло немало славных мужей, ведь выступи мы с ним вместе, не нашлось бы на свете воинства, равного нашему. Но этот обманщик посмеялся надо мною своими предсказаниями. / Все это сделал Мерлин, ибо он знал, что, окажись король Лот со своим войском на поле битвы, король Артур был бы убит и все его полки рассеяны и уничтожены. Мерлин-то знал, что из двух королей одному пасть мертвым в тот день; и как ни жаль ему было и того и другого, но из двух он предпочитал, чтобы убили Лота Оркнейского, нежели Артура» (59,60); «Но Мерлин предостерег короля темными словами, что Гвиневера – не подходящая для него жена... » (73); «И по Мерлинову совету повелели ему король с королевой рассказать всю правду <...> После этих слов Мерлина пожаловал король Артур Тору графский титул и земли, недавно ему доставшиеся» (85) и мн.др.

тересам. «Цель Макиавелли – поднять Италию до уровня государства» (Гегель)⁶, цель Мерлина – объединение всех разрозненных королевств Британии под эгидой законного короля Артура во имя создания мощного и несокрушимого королевства. Мерлин не брезгует самыми низменными средствами и прибегает к подлогу, чтоб удовлетворить страсть короля Утера к супруге герцога Тинтажельского, Игрейне, и за это требует награды: «И если король Утер хорошо наградит меня, и поклянется исполнить мое желание, отчего больше пользы и славы будет ему, нежели мне, тогда и я сделаю так, что и его желание целиком сбудется»(14). Заключение сделки между королем и магом, которого считают порождением дьявола и чародеем (см.:22)), отсылает к другому средневековому сюжету – о Фаусте, продавшем душу дьяволу, и Мерлин предстает двойником Мефистофеля. В то же время, если Утер добровольно идет на сделку, имея, тем не менее, возможность от нее отказаться и «сохранить лицо» (интернальный локус контроля), то его наследник Артур утрачивает сходство с Фаустом, поскольку из цели становится для Мерлина средством осуществления его идеи государственности (экстернальный локус контроля). Другая возможная ипостась Мерлина – это Великий Инквизитор, чья власть зиждется на краеугольном «чудо-тайна-авторитет». Так, Мерлин прибегает к «чуду с мечом», использует христианские праздники, пробуждающие высшее религиозное чувство (авторитет), для продвижения своих целей широко применяет магию, чему находим целый ряд подтверждений в артуровской саге. Таким образом, перед нами примеры подлога, манипуляции и формирования выученной беспомощности (через подчинение чуду), но именно таким путем усилиями Мерлина закладывается основа прочного государства: «У государства нет более высокого долга, чем уничтожить всеми имеющимися у него средствами всех, кто угрожает безопасности и самому существованию государства»⁷. Мерлин с самого начала заботится о будущем правителе, мотивирует и направляет его: «Не опасайтесь ничего, сэр, но смело выходите и говорите с ними: и не щадите их, отвечайте и, как подобает королю и повелителю, ибо все равно возьмете вы над ними верх, хотят они того или нет» (22).

Из «двойственной эльфийской природы» (К.Г.Юнг) легендарного Мерлина вытекает и парадокс его судьбы и трагического конца: ослепленный (обуянный) страстью к Ниневе, Мерлин обучил ее своему магическому мастерству и дал заточить в наглухо запертой пещере. Этой версии, воспринятой из ранних источников своего романа, следует и Мэлори. Если голосом, в стилистике автора не старинных уже, а новых времен здесь Мерлин загодя предрекает или предвидит смерть Артура как «славную», потому что он погибнет в бою («должен» погибнуть, «ибо такова божия воля, чтобы тело ваше понесло кару за ваши дурные дела»), то ему, Мерлину, предстоит погибнуть смертью «позорной» – «быть заживо зарытым в землю», против него обернется собственная греховность, «дурные дела», приправленные «дьявольщиной», чудесами колдовства (что и видим мы в начале части IY, завершающей первую книгу в составе романа – «Повесть о короле Артуре»).

⁶ Цит. по вступ. статье **К.Долгова** в указ. издании «Государя» Макиавелли, с.11.

⁷ Там же (вст. статья), с.19.

Говоря о глобальном мифе, опирающемся на альянс государь-советник, отметим, что он универсален и охватывает не только индоевропейский, но и тибето-китайский сегмент. Здесь выделим как наиболее значимую в средневековой китайской литературе в этом контексте фигуру Чжугэ Ляна, чья историческая неопровержимость подтверждается документальными источниками⁸ и который в отражающей события и фигуры III века историзованной эпопее Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» (XIV век) выступает в роли юнгианского «мудрого старца». Ханец по национальности, премьер-министр в царстве Шу, Чжуге Лян, согласно китайской традиции, носит различные наименования-прозвища, свидетельствующие о его способностях, достижениях, заслугах: Кунмин (умный, просвещенный), Волун (затаившийся, дремлющий дракон), Фулун (выжидающий мудрец, отшельник), посмертно Чжун Ухоу – из уважения к его военным способностям и заслугам; в городе Чэнду имеется храм «Ухоу», названный в честь Чжуге Ляна⁹. В национальном китайском театре Чжугэ Лян представляется в образе мудрого старца в даосском одеянии – белоснежной накидке из перьев аиста, даосском головном уборе – шелковой повязке и с веером из журавлиных перьев в руке. Примечательно, что на самом деле Чжугэ Лян, состоящий советником при зрелом Лю Бэе и направляющий все его действия, принимающий все стратегические решения – и дипломатические, и военные (еще один пример оппозиции верх/советник/ – низ/государь/), очень молод и впоследствии намного переживет своего «государя», приняв на себя его функции. В 207-ом году, на момент встречи с Лю Бэем, удалым полководцем, впоследствии шуйским государем Сянь-чжу, Чжугэ Ляну 25-26 лет. Чжугэ Лян, каким он предстает в романе Ло Гуаньчжуна, охватывающем временной отрезок в 78 лет, обладает доминантными чертами анимы по Юнгу, «наделенной значительным обаянием и силой воздействия. Она часто является в слишком уж юной форме и, в свою очередь, прячет могучий архетип мудрого старца» (К.Г.Юнг). Хотя сам он замечает, что «слишком я молод и познания мои ничтожны»¹⁰, реальный возраст Чжугэ Ляна невольно игнорируется читателем, поскольку на передний план выдвигаются его статусные атрибуты (колесница, эффектная амуниция), почтительное обращение к нему 46-летнего Лю Бэя (учитель, мудрец), его высокий интеллект и глубокие познания, предполагающие определенный пройденный путь. Подобный статус в мирное время реально потребовал бы долгих лет и даже десятилетий, но военное время при определенных стратегических талантах благоприятствует скорейшему достижению самого высокого положения в военной иерархии; что касается познаний в астрологии и прочих «пограничных» науках, позволявших на несколько ходов вперед предугадать развитие воз-

⁸ Подробно о Чжуге Ляне (III век) как о выдающемся китайском государственном деятеле, мыслителе, полководце, авторе ряда сочинений по вопросам военной теории (а также и управления вообще), о самом знаменитом его трактате по военному искусству, охватывающем целый ряд проблем гуманитарного характера, см. в монографии: Д.П.Шульга, А.А.Мерзлякин. «Вертоград полководца» Чжуге Ляна на стыке дисциплин. Новосибирск, Омега-принт, 2016.

⁹ См. указ. кн., с.15.

¹⁰ Ло Гуаньчжун. Троецарствие. М., Художественная литература, 1984, с.226. Далее ссылки по указанному изданию в тексте в скобках.

можных сценариев и вывести из игры конкурентов без всякого видимого воздействия со своей стороны, то в романе акцент ставится на знание магии, которым владели даосские монахи, к числу же их принадлежал и Чжугэ Лян, по крайней мере даосский монах воспитывал и просвещал его, приобщал ко многим знаниям, к «учености».

В романе У Чэн-эня «Путешествие на Запад», несущем ценности буддийского учения, даосизм с приписываемой ему магической составляющей преподносится в негативном контексте. С помощью Великого Мудреца и верного сподвижника монаха-Трипитаки, направляющегося в Индию за священными буддийскими сутрами, Сунь У-куну удастся разоблачить узурпатора-даоса, чародея, способного вызывать ветер и дождь, и вернуть престол страны Уцзиго законному правителю: «На императорский престол //Взошел тот чародей//И сходством с государем смог//Он обмануть людей.// Но хорошо, что я пришел://Послушник воскрешен,//Теперь с учителем моим //Пойдет на Запад он.//И послушания обет//Учителю принес://Он – настоящий государь,//Волшебник же – даос»¹¹. Последователи ложного учения, какими их считают сподвижники буддизма, в романе У Чэн-эня имеют сходство с алхимиками: «Эти бессмертные умеют также из песка плавить ртуть <...>, погружаться в самосозерцание, знают, как воду превращать в масло, а камень – в золото»¹². С другой стороны, тот же Сунь У-кун признается, что «даосизм делает людей умными и рассеивает все сомнения»¹³.

Известно, что исторический Чжугэ Лян, страдавший задержкой речевого развития (вплоть до девяти лет он не мог разговаривать), своим излечением, как и обширными знаниями в географии, астрологии, практическом применении теорий Инь и Янь в военном деле обязан взявшему его на обучение пожилому монаху-даосу, у даосов перенял он и основные концепции построения государства и ведения войны, впоследствии изложенные в его трактате «Цзянь Юань» (первоначально «Чжугэ Лянь чжуань», в русском переводе указанный нами выше «Вертоград полководца»). Как и его наставники-даосы, Чжугэ Лян полагает, что «сильная армия и искусные полководцы нужны как сдерживающая мера, вооруженные столкновения нежелательны»¹⁴, а взаимоотношения с солдатами должны быть построены на равноправии и заботе о подчиненных. Быть наравне с солдатами означает отказ от привилегий: «Летом не обмахивайся веером. В дождливую погоду не используй зонт»¹⁵. Таким образом, накидка, зонт, веер – камуфляж, призванный поражать воображение, а не служить утилитарным целям. Чжугэ Лян использует узнаваемый образ, чтоб держать, в частности, в напряжении соперников и даже после смерти (прием с деревянной статуей (682,747). Отсюда поговорка: «Мертвый Чжугэ Лян способен обороняться»). Верный кодексу Хоу, изложенному в его труде (глава 21, пункт 13), «выполнять все служебные обязанности и быть готовым

¹¹ У Чэн-энь. Путешествие на запад. Том 2. М., Полярис, 1994, с.239

¹² Там же, с.323.

¹³ Там же, с.429.

¹⁴ Д.Шульга, А.Мерзликин..., с.70.

¹⁵ Там же, с.75.

пожертвовать собственной жизнью ради государства»¹⁶, литературный Чжугэ Лян, как и его исторический прототип, остается верен идее государственности и после смерти государя: «Нет, лучше умереть, чем нарушить волю государя!» (578).

В обеих средневековых культурах – европейской и восточной – советники-волшебники выступают преданными поборниками и проводниками идеи государственности и бескомпромиссной верности своему избраннику-государю. Особенно ценна преданность Чжугэ Ляна, поскольку для него потомок Ханьской династии Лю Бэй – не средство, а цель, в отличие от Мерлина, использующего Артура, чтобы посредством его заложить основу прочного государства. Черты архаического жреца, **не управляющего государем, а управляющего совместно с государем**, в Чжугэ выражены, несомненно, ярче, его поразительные магические свойства опираются на самом деле на логический императив разума, а исполнение магических ритуалов, как в примере сооружения алтаря Семизвездия (306), представляется великолепно обставленным шоу, призванным «держать в постоянном восхищении и напряжении подданных, поглощено следящих за ходом событий» (Макиавелли, 336). Благодаря Мерлину Артур побеждает в битве против одиннадцати королей; благодаря умению принимать нестандартные решения, определенному политическому авантюризму Чжугэ Ляна, его продуманной стратегической программе, рассчитанной на продолжительный срок, и после смерти Лю Бэя при слабом правителе Хоу-чжу (Лю Шае – сыне Лю Бэя) царство Шу сохраняет твердые позиции. «Пойми наконец: с тех пор, как я покинул свою хижину в Наньяне, – говорит Чжуге Лян, ведущий упорную войну на покорение маньских племен с их воинственным вождем Мын Хо, – я ни разу не терпел поражения. Ты должен покориться» (568,570)¹⁷. К ставшим хрестоматийными примерам стратегических моделей выхода из трудной ситуации, примененных Чжугэ Ляном (использование лодки с соломой для добычи стрел, молитва Восточному ветру, каменный лабиринт, тактика пустого форта) следует отнести и то, как Чжугэ Лян провоцирует полководца Сунь Цуаня Чжоу Юя к действиям против могущественного Цао Цао (гл.44, с.269-272).

¹⁶ Там же, с.105.

¹⁷ Страницы романа (562-592), описывающие поведение Чжуге Ляна в процессе шести сражений и, наконец, в седьмом покорения маньцев с их вождем Мын Хо особо примечательны с точки зрения концептуальной характеристики образа действий Чжуге Ляна. Шесть раз одержав победу в сражении, взяв в плен и воинов, и их вождя, Чжуге Лян отпускает и воинов, и упорствующего вождя. В седьмой раз: «Не успел Мын Хо опомниться, как очутился в плену<...> Когда привели Мын Хо, он опустился на колени, но Чжуге Лян приказал развязать его и угостить вином. Затем он распорядился устроить для маньского вождя, его жены, младшего брата Мын Ю, правителя дуна Дайлай и других приближенных пир в отдельном шатре. Во время пира к ним вошел какой-то человек и сказал, обращаясь к Мын Хо: - Чжуге Лян не желает тебя видеть и приказал мне вас всех отпустить на свободу. Можешь снова собирать войско и воевать. А сейчас уходи! – С древнейших времен не случалось, чтобы семь раз брали в плен и семь раз отпускали! – со слезами воскликнул Мын Хо. – Я хоть и чужеземец, но знаю, что такое долг и этикет! Мын Хо на коленях подполз к шатру Чжуге Ляна и, сбросив с себя одежды (что означало готовность покориться – Н.Г.-Х.), стал просить прощения. – Я покоряюсь, – сказал он. – Все мои сыновья и внуки будут славить твое милосердие! Услышав это, Чжуге Лян пригласил Мын Хо в свой шатер и устроил в его честь угощение. Затем он назначил Мын Хо правителем дуна и вернул ему все отнятые у него земли. Так были покорены Чжуге Ляном южные земли (с.691).

При определенных переключках и сходстве поведенческих моделей между Мерлином и Чжугэ Ляном явственны различия: Мерлин стар и непредставителен ни видом своим, ни одеждой. Чжуге Лян молод, хорош собой («Высокий, с лицом белым, словно прекрасный нефрит <...> движения его были плавны, непринужденны, осанка как у бессмертного духа») (226), всегда – в эффектном облачении («в шелковой повязке на голове, в белоснежной накидке из перьев аиста» (там же)); Мерлин постоянно меняет обличия (см. с. 39,57 и др.), Чжуге Лян верен образу монаха-даоса и использует это в том числе в своих дальновидных стратегических планах. Мерлин заключает сделку с королем Утером, забирает у него дитя, передает на воспитание кому считает нужным и в дальнейшем действует по своей программе; Лю Бэй же сам ищет встречи с Чжугэ Ляном, трижды приходит в его хижину и терпеливо ожидает его пробуждения, чтобы попросить его помощи в качестве советника. Хорошо известны происхождение Чжугэ Ляна, состав его семьи, появление его сына Чжугэ Чжана, достойного продолжателя целей своего отца, князя Воинственного, сюжетно обусловлено и закономерно, но, в то же время, Чжугэ Лян, превыше всего ставящий интересы государства, воплощенного для него в восстановлении власти Хань, свободен от семейной зависимости (в этом можно видеть и его извечное противостояние с приверженцами конфуцианской этики, в романе нашедшее отражение в сцене диспута с учеными-конфуцианцами царства У, над которыми Чжуге Лян (прибывший сюда с важной дипломатической миссией – договориться о военном союзе) одерживает верх, уверенно, без запинки, и остроумно, и убедительно отвечая на каждый заданный ему вопрос, в том числе о государях и роли советников¹⁸ (см.с.260-268). О Мерлине же ничего не известно, семейные связи отсутствуют, в то же время он впадает в полную зависимость от пагубных для него женских чар. Так, Мерлин, чей образ неизменно является вводным в многочисленных вариациях повествований о правлении легендарного короля бриттов, терпит фиаско и лишается статуса «мудрого старца», поступившись высшим - государственными интересами, поддерживаемыми трансцендентной функцией мага-жреца, ради низшего – низменного вожделения,, эротического влечения, в то время как Чжугэ Лян поднимается над этическими категориями (родственные связи, созерцательное одиночество, уединенная ученость) во имя высшего и берет на себя социальную роль – жреца при государе. По Юнгу, жрец выступает «земным воплощением манна-личности», соответствующей понятию «сверхъестественно-эффективного», в частности – «...превосходству совершенного мудреца» (выделено нами – Н.Г.-Х.).

¹⁸ См. на с.262: «... разве согласился бы он (Лю Бэй – Н.Г.-Х.) захватить земли человека, носящего ту же фамилию, что он сам? Вот где великая гуманность, вот где великая справедливость! Вспомните, как несколько сот тысяч человек, жаждущих справедливости, вместе со стариками и малолетними детьми, последовали за Лю Бэем, когда он вынужден был бежать из Синье. Он не покинул свой народ... не подумал укрыться за стенами Цзянлина, а предпочел делить с народом все тяготы и лишения. Интересно, что малому не устоять против большого, что победы и поражения – обычное дело для воина. Подлинное искусство управления государством, прочность и безопасность династии **зависят от главного советника**(выделено нами – Н.Г.Х). Из сотни человек, которые умеют судить да рядить так искусно, что, кажется, никому с ними не сравниться, едва ли найдется один, способный, когда придет время, действовать сообразуясь с обстоятельствами».

Таким образом, старый маг и советник, служивший молодому королю, исполнив свою функцию при Артуре, оказывается по воле божией заживо погребен в пещере, а молодой советник при зрелом государе, долго переживший своего господина, вознесся яркой звездой на небо (683), оставив по себе добрую память: в провинции Сычуань традиция носить в волосах белые повязки трактуется как знак траура по Чжугэ Ляну, дпящегося уже более 1000 лет.

Это краткое контурное обращение на конкретную тему к двум нестарующим памятникам мировой литературы (западному и восточному) предпринято было нами исходя из того, что изучение и осмысление прошлого не только по источникам сугубо исторического характера, но и по текстам литературным позволяет лучше разглядеть, понять и оценить многое в настоящем, в частности – в концептуальных установках и образе действий современных национальных государств и их институтов.

ՆՍՏԱԼՅԱ ԳՈՆՉԱՐ-ԽԱՆՋՅԱՆ – Խորհրդականի կերպարի կոնցեպտուալացումը միջնադարի էպիկական կոթողներում (Թ. Մելորի, «Արթուրի մահը» և Լո Գուանչժուն, «Եռաթագավորություն») – Ժամանակակից աշխարհում գոյություն ունի պետական համակարգի մաս կազմող խորհրդականի կառույցը: Տվյալ պետական մարմնի ենթադասություն և գործառության լայն կազմակերպվածության, կարգերի բաժանման, ըստ իրավասությունների դասակարգման մակարդակը պայմանավորված է պետության զարգացածության աստիճանով, ներքին և արտաքին քաղաքականություններում նպատակադրումներով և ընդգրկման ծավալներով: Այսօր աշխարհում տեղի ունեցող իրադարձությունների, միտումների և գործող կառույցների լույսի ներքո արդիական է դառնում անդրադարձն անցյալի պատմական և գրական կոթողներին, որոնք արտացոլում են ժամանակակից կյանքի բովանդակությանն ու կոնցեպտներին խորքային արմատական հիմքի պես արձագանքող բովանդակություններն ու կոնցեպտները, փաստերն ու սյուժեները: Այս տեսանկյունից կարող են ուշագրավ լինել հոդվածի հեղինակի համեմատական դիտարկումները միջնադարյան գրականության քննված երկու կոթողային համակարգերում՝ անգլիական և չինական գրականության մեջ խորհրդականի կերպարի առանձնահատկությունների և դերի վերաբերյալ: Նշված քննության մեջ ժամանակ անհրաժեշտաբար հաշվի են առնվում երկերի ժանրը, պատկանելությունը գրական տարբեր ավանդույթների՝ եվրոպական ասպետական վեպին («Արթուրի մահը») և չինական պատմավեպին («Եռաթագավորություն»), ինչն արտահայտվում է դրանցում պատմական-իրական և հնարվի-երևակայական բաղադրիչների տարատեսակ համամասնությամբ:

Բանալի բառեր – պետություն, քաղաքականություն, խորհրդական, միջնադարյան գրականության կոթող, «Արթուրի մահը», «Եռաթագավորություն», կոնցեպտ, նպատակ, միջոցներ

NATALYA GONCHAR-KHANJAN – On the Conceptuality of Counselor’s Image in Epic Monuments of Medieval Literature (T.Melory, “The Death of Arthur” and Lo Guanchjun, “Romance of the Three Kingdoms”). – In the modern world, we

are dealing with the institution of the counselor, set in the system of state structure. The level of hierarchical and functional structuring of this state institution, its ranking, detailing by competences are conditioned by the development of the state, its goal-setting and scale in the domestic and foreign policy. In the light of the processes, trends and institutions operating in the world nowadays, the appeal to historical and literary monuments of the past, reflecting facts and figures, stories, contents and concepts which correlate as deep roots with the content and concepts of today's life, becomes more relevant. From this point of view, the author's observations concerning the role and specific features of the figure of the counselor in the two outstanding monuments of medieval literature examined — English and Chinese — may be of some interest. The observations on these monuments should take into account their genre character, belonging to different literary traditions: the European chivalric romance (*The Death of Arthur*), and the Chinese historical novel (*Romance of the Three Kingdoms*), which is reflected in their different ratio of historical-real and fictional-fantastic components.

Key words: *state; politics; counselor; medieval literature; The Death of Arthur; Romance of the Three Kingdoms; concept; purpose; means*